

КОНСТРУКТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК: МОГУТ ЛИ ОНИ ИЗМЕНЯТЬ ТО, ЧТО ИЗУЧАЮТ?

М.Н. ЭПШТЕЙН

Парадокс гуманитарных наук и его конструктивное решение

Гуманитарные науки — это область *самопознания* человека и человечества. Парадокс самореференции стоит в центре гуманитарных наук, определяя сложное соотношение их гуманитарности и научности. Именно с человеком, единственным говорящим из всех существ, в бытие приходит нечто несказуемое — сам человек. Вот что пишет о парадоксе самореференции американский философ, математик, один из основателей когнитивистики Даглас Хофштадтер:

«...Как только возможность представлять собственную структуру достигает некоей критической точки, то пиши пропало — это гарантия того, что вы никогда не сможете представить себя полностью. Теорема Гёделя о неполноте, Теорема Черча о неразрешимости, Теорема остановки Тьюринга, Теорема Тарского об истине — все они чем-то напоминают старинные сказки, предупреждающие читателя о том, что «поиск самопознания — это путешествие, которое... обречено быть неполным, не может быть изображено ни на каких картах, никогда не остановится и не сможет быть описано»¹.

Гуманитарные науки строятся вокруг этого парадокса: они изучают самого изучающего, они именуют именуемого, и именно поэтому в их центре находится разрыв самого дискурса, слепое пятно, в которое попадает обращенный на себя взгляд. По словам Мишеля Фуко, «это и тень, отбрасываемая человеком, вступающим в область познания, это и слепое пятно, вокруг которого только и можно строить познание... Человек построил свой образ в промежутках между фрагментами языка»². Как ни странно, именно че-

¹Хофштадтер Даглас Р. Гёдель, Эшер, Бах: эта бесконечная гирлянда. Самара: Изд. дом «Бахрах-М», 2001. С. 655.

²Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сacд, 1994. С. 348, 404.

ловек являет собой главный пробел во всем комплексе гуманитарных наук. Поле гуманитарности состоит из размыслов и зияний ускользающей от себя рефлексивности. Непостижимость человека для себя, несводимость к себе образует трещину в основании гуманитарных наук. Именно то, что делает возможными гуманитарные науки — человеческая способность самосознания и самоописания — ставит под сомнение их научность. Взаимобратимость субъекта и объекта придает всему проекту гуманитарных наук шаткость, колебательность, подрывает их объективно-научные основания.

Эта проблематичность гуманитарного знания как **самопознания** отозвалась во всей системе научного знания XX века, потрясая основания и самых методологически устойчивых дисциплин, от математики и логики до кибернетики и информатики. Именно на сцене гуманистики разыгрывается трагикомедия homo sapiens, который с античных времен был призван к главной цели — «познай самого себя», а в XX веке уперся в методологический тупик невозможности самопознания. Не противоречит ли **гуманитарность** самому представлению о **научности** как объективном познании, коль скоро познающему не дано полностью объективировать себя самого? Не оксюморон ли само выражение «гуманитарные науки», чей объект парадоксально совпадает и не может совпасть с их субъектом? Нет исхода из этих «странных петель» саморефлексии, нет решения вопросам о самой возможности **гуманитарных наук**. Но «сама возможность их постановки есть уже ворота мысли будущего»³. Так заканчивает М. Фуко свою «**археологию** гуманитарных наук» — и с этих же обнадеживающих сомнений может начаться их **футурология**. Наш подход точнее было бы назвать не футурологией, а **футуроскопией**. Футурология, популярная дисциплина 1960 — 1970-х гг., пыталась предсказать будущее, выстроить его в линейной перспективе растущих тенденций, тогда как футуроскопия обозревает разные варианты и горизонты будущего без попытки подчинить их единой логике развития. Это своего рода ландшафтное виде-

³ Там же. С. 404.

ние будущего как множества веерообразно расходящихся и не заслоняющих друг друга будущностей.

Неспособность гуманистики настичь свой ускользающий субъект-объект — обратная сторона ее *конструктивной* задачи: строить новые знаки, понятия, образы человека. Только так может быть разрешен парадокс самореференции: снимать свое знание о себе в бытийном росте самого познающего. *Человековедение* неотделимо от *человекотворчества*. Субъект человековедения потому и не может быть полностью объективирован, что находится в процессе становления, и каждый акт самоописания есть и *событие* его *самопостроения*. Когда общество, или университетское начальство, или коллеги-естественники просят гуманитариев предъявить продукты их деятельности, поневоле напрашивается указательный жест: вы, я, все мы... О чем бы ни писались гуманитарные сочинения: об эстетике итальянского Возрождения или об эпических сказаниях древней Индии, о взаимовлиянии романских и германских языков или о кантовской философии времени и пространства, — всюду перед нами предстает образ иного человека, иного разума. Мы сопоставляем его и себя, различаем и находим общее, а значит, становимся более самими собой и одновременно объект — более человеческими.

Гуманитарные дисциплины являются таковыми не потому, что они вообще изучают человека и его разнообразные проявления. Физиология, анатомия, медицина, экономика, социология, политология, социально-экономическая история тоже изучают человека, устройство его тела, продукты его деятельности, способы его общественной организации. Но эти науки являются не гуманитарными, а естественными или общественными. Гуманитарность свойственна именно таким дисциплинам, где человек менее всего может опредметить себя как эмпирическую данность, как индивидуальное или социальное тело. Гуманитарность — в тех процессах мышления, творчества, высказывания, межличностных отношений, где человек менее всего определим и завершим. Гуманитарные науки заняты демистификацией не только собственной научности, но и тех форм научности, на которые претендует физическое, физиологичес-

кое, экономическое знание о человеке. **Критическая** сторона гуманитарности — денатурализация и деполитизация человека, разоблачение того, что естественным и общественным наукам представляется твердым, позитивным основанием объективности. **Конструктивная** сторона гуманитарности — это построение новых знаков, означаемым которых становится сам гуманитарный субъект, человек, не столько открывающий нечто в мире объектов, сколько *производящий собственную субъективность методами самоназначения и самообозначения*.

Гуманитарная озабоченность естественных наук

Эта конструктивная сторона гуманистики сегодня все больше затребована точными и естественными науками. На протяжении всего XX века гуманистика испытывала комплекс неполноценности перед математикой, физикой, биологией. Но по мере того, как новейшие технологии, исходя из естественнонаучных и математических данных, пытаются приблизиться к созданию искусственной жизни и разума, они все более вступают на гуманитарную территорию. Как теперь выясняется, именно то, что делает гуманистику не вполне научной — обратимость ее субъекта-объекта, семантическая размытость и даже метафоричность ее языка — составляет высший интерес точных дисциплин, ту вершину самосознающей и самоорганизующейся жизни, к которой они стремятся.

Не случайно с 1970 — 1980-х гг. все больше ведущих ученых-естественников обращаются к гуманистике, прежде всего, к проблемам сознания, творчества, интуиции, свободной воли, к лингвистическим, этическим и даже теологическим проблемам. Причем именно в качестве ученых, ищущих объяснения тем проблемам мироустройства, с которыми они профессионально сталкиваются в своих дисциплинах (в основном, физико-математических). Дэвид Бом, Джон Бэрроу, Фримэн Дайсон, Пол Дэвис, Роджер Пенроуз, Фрэнк Типлер, Джон Уилер... По мере того как физика пытается соединить все известные ей аспекты мироздания, в частности теорию относительности и квантовую механику, в *теорию всего*, выясняется, что главным не-

достающим звеном в этой «великой цепи бытия» может оказаться именно человеческое сознание, в котором преломляются все грани микро — и макровселенной. Физическую картину мира невозможно достроить изнутри самой физики, в этой головоломке не хватает именно гуманитарного кусочка. Так, Джон Уилер, Фрэнк Типлер и Джон Бэрроу разработали известный «антропный принцип», согласно которому физические параметры вселенной таковы, чтобы сделать возможным присутствие в ней сознающего ее человека. Джон Экклс (Нобелевский лауреат 1963 г. по физиологии и медицине) и Роджер Пенроуз (один из крупнейших современных физиков) выступили, независимо друг от друга, с квантовой теорией сознания, которая находит место для свободы воли и творческих задатков мысли в странном поведении квантов на уровне мозговых клеток, нейронов и межнейронных синапсов.

Обращение к гуманистической проблематике обусловлено еще и тем, что некоторые естественные науки отчасти исчерпали свой ресурс экспериментальных исследований и не имеют эмпирических данных, чтобы подтвердить или опровергнуть интереснейшие гипотезы, возникающие на кончике пера. Наука упирается в предел человеческой способности мыслить и описывать вселенную — или измышлять и воображать ее. Симптоматично название нашумевшей книги Джона Хоргана «Конец науки: Перед лицом пределов знания в сумерках века науки»⁴. Книга вобрала в себя интервью с крупнейшими учеными в десяти дисциплинах, от физики и космологии до теории хаоса и эволюционной биологии, и отражает их в основном пессимистический взгляд на возможность объективной, позитивной науки. Хорган называет современную науку, пережившую свой конец, «иронической» и сравнивает ее с литературной критикой, где высказываются и оспариваются разные интересные мнения, которые никак не ведут в направлении объективной истины. Зато они ведут в направлении человеческого субъекта и прокладывают новые пути его саморефлексии.

⁴ См.: *Horgan J. The End of Science: Facing the Limits of Knowledge in the Twilight of the Scientific Age.* NY: Broadway Books, 1997. P. 7.

Росту научного престижа и влияния гуманистики способствовала и антипозитивистская философия науки, манифестом которой стала книга Томаса Куна «Структура научных революций» (1962). Хотя Т. Кун рассматривал парадигмальные сдвиги только в естественных науках, сам механизм таких сдвигов получает у него, в сущности, гуманитарное объяснение — как изменение взгляда научного сообщества на изучаемые явления. На множестве примеров Т. Кун показывает, что к научным революциям ведет не открытие новых фактов и даже не новая интерпретация имеющихся фактов, а внезапное изменение взгляда на мир, которое он сравнивает с эффектом переключения зрительного гештальта⁵. Взгляд ученого, если проследить его до конца, ведет опять-таки от видимого к видящему. Еще более радикальные выводы из куновской концепции были сделаны методологией науки конца XX в., где начинает преобладать конструктивизм, т.е. представление о научных теориях и понятиях как о культурных конструктах, содержание которых задается человеческим субъектом. Поворот к гуманитарной проблематике, таким образом, определяется всем ходом развития науки XX века в ее отталкивании от позитивизма.

По сути, все дисциплины, от которых зависит будущее цивилизации, включая математику, кибернетику, информатику, когнитивистику, семиотику, нейропсихологию, тео-

⁵Томас Кун рассматривает парадигмальные сдвиги в контексте опытов с визуальным восприятием и различением фигур в гештальт-психологии, но было бы поучительно провести также параллель с теорией остранения в русском формализме. Представление привычного как странного, «вывод вещи из автоматизма восприятия» (Виктор Шкловский) может объяснить и смену стилей в искусстве, и смену парадигм в науке. Научная революция описана у Т. Куна почти в искусствоведческих терминах, как обретение нового видения: «Это выглядит так, как если бы профессиональное сообщество было перенесено в один момент на другую планету, где многие объекты им незнакомы, да и знакомые объекты видны в ином свете. <...> После этого события ученые часто говорят о «пелене, спавшей с глаз» или об «озарении», которое освещает ранее запутанную головоломку, тем самым приспособляя ее компоненты к тому, чтобы увидеть их в новом ракурсе...» (Кун Т. Структура научных революций (1962). М.: АСТ, 2002. Гл. 10. С. 151, 164).

рию и практику построения искусственного интеллекта, — все они оказываются заложниками специфически гуманитарной проблемы. Именно гуманитарность является средоточием не только человеческой саморефлексии, но и вообще саморефлексивной способности разума, кому бы он ни принадлежал — богу, человеку или машине. Гуманитариям нечего жаловаться на периферийность своих занятий в технологизированном укладе XXI века. Высшая техника, способная вычислять и мыслить, не может состояться без саморефлексии, без обучения ремеслу «быть самим собой», «познавать себя», «говорить о себе». Это «себя», «о себе», эта самообращенность и составляет нерв гуманистики. В этом смысле гуманистика находится на переднем плане всех прорывов кибер-, нейро- и биотехнологий в будущее.

И если гуманистике есть чему завидовать в естественных и точных дисциплинах, то, прежде всего, дерзости воображения. Как ни странно, современная наука, в том числе и физика, и биология, теоретически более раскованны, более открыты фантазиям о будущем, чем гуманитарные науки, большей частью обращенные в прошлое и сосредоточенные на анализе текстов. Если Ф. Бэкон у истока Нового времени провозгласил «знание — сила», то А. Эйнштейна так перелагает этот девиз для современной науки: «воображение важнее знания»⁶.

Практическая надстройка гуманитарных наук.

Техногуманистика

Как же практически воплотить конструктивный потенциал гуманитарных наук? В системе человеческих знаний — умений есть одно пропущенное звено. Науки, как известно, делятся на три большие группы: естественные, социальные и гуманитарные. У первых двух есть практические надстройки — методы преобразования того, что данные науки изучают, а у третьей эта надстройка отсутствует, точнее,

⁶ «Я в достаточной степени художник, чтобы свободно полагаться на мое воображение. Воображение важнее знания. Знание ограничено. Воображение объемлет весь мир» («Смысл жизни для Эйнштейна». Интервью Джорджу Силвестеру Виереку (*George Sylvester Viereck*) для газеты *The Saturday Evening Post*, 26 октября 1929).

еще не приобрела своего места и функции в системе научного знания.

<i>Предмет</i>	<i>Науки</i>	<i>Практика</i>
<i>Природа</i>	<i>Естественные</i>	<i>Техника</i>
<i>Общество</i>	<i>Социальные</i>	<i>Политика</i>
<i>Культура</i>	<i>Гуманитарные (?)</i>	

У естественных наук есть область практической применимости — технология, которая преобразует то, что они исследуют: природу. Общественные науки через свою практическую надстройку — политику — преобразуют общество. Может ли у гуманитарных наук, исследующих культуру, быть особая практическая ветвь, *дисциплина преобразования культуры*, — подобно тому, как техника преобразует природу, изучаемую естественными науками, а политика преобразует общество, изучаемое общественными науками? Сегодня гуманитарные науки почти никак не воздействуют на то, что они изучают, — на язык, литературу, художественные движения. Если такое воздействие и осуществлялось раньше, то, как правило, вне академической науки. Ф. Ницше и Вл. Соловьев, Ф. Шлегель и В. Белинский, А. Бретон и В. Беньямин, А. Белый и В. Шкловский — все эти инициаторы новых теоретических и художественных движений сегодня еще менее были бы допущены на порог университетов, чем в их время. Академическому гуманитарии положено знать, а не изобретать и не придумывать. Университетская философия — это по сути *философствование*, которое изучает чужую философию (как литературоведение — литературу), но не ставит задачу создать свою. Гуманитарные науки много знают, но мало мыслят, производят мало идей, которые могли бы определять развитие цивилизации.

Я полагаю, что каждая гуманитарная наука должна стать еще и искусством изменения того, что она изучает. По-английски я обозначаю эту область «techno-humanities», *техногуманистика*, в первичном смысле «техне» как искусства, умения. Понятие *гуманитарных технологий* вовсе не предполагает, что гуманитарные науки должны заимствовать «техно» от технологий, основанных на естественных науках. Наоборот, естественные науки в свое время позаимствовали понятие «техно» у сферы искусств. Греческое «techne», «соб-

ственно, и означает «искусство, художество, мастерство». У Платона и Аристотеля к области «*techne*» относятся врачевание, охота, домостроительство, ткачество, ваяние, пророчество, игра на лире и флейте, искусства управления государством, кораблем и колесницей. Пришла пора гуманитариям возвратить себе это «техне», которое перешло в ведомство естественнонаучных технологий, хотя изначально принадлежало именно сфере искусства. Техногуманистика — это область гуманитарных искусств — практик и технологий, которые преобразуют то, что гуманитарные науки изучают. У гуманитарных наук, наряду с их научностью, должен возникнуть еще один уровень — не чисто исследовательского, а конструктивно-преобразовательного мышления.

Речь идет не о первичных искусствах (поэзия, музыка, живопись, театр, кино и т.д.), которые изучаются гуманитарными науками, а о **вторичных искусствах**, возникающих на основе самих гуманитарных наук. Как на основе естественных наук вырабатываются техники (искусства) преобразования природы, — так и на основе гуманитарных наук могут вырабатываться искусства преобразования культуры. Перед ученым-естественником часто встает вопрос: какими новыми технологиями чреваты его открытия? Такой же вопрос уместно ставить и перед лингвистом, литературоведом, искусствоведам, культурологом. Например, какие новые литературные приемы, стили, направления могут возникнуть на основе той или иной литературоведческой идеи? Разумеется, этот вопрос нельзя прямо адресовать фундаментальной науке или, скажем, истории литературы. Но в литературоведении, наряду с тремя основными общепринятыми разделами: теорией, историей, критикой литературы, — должно быть место и проективной деятельности: обоснованию новых текстуальных стратегий, приемов, жанров, направлений. Литературоведению нужен четвертый раздел, обращенный не к прошлому (история), не к настоящему (критика), не к вечному (теория), а к будущему (прогностика, эвристика, креаторика). Иными словами, рядом с литературоведением должно быть место **литературоводству**, и точно также искусствоведение дополняется **искусствоводством**, языковедение — **языководством** и т.д. Например,

лингвистика, изучая лексическую систему данного языка, обнаруживает в ней, при сравнении с другими языками, определенные изъяны и изъяния — и не только констатирует такую нехватку, но и предлагает ряды новых слов, понятий, терминов, концептов, которые расширяют интеллектуальный потенциал данного языка.

От культурологии к культуронике

Среди техногуманитарных дисциплин особое место должно принадлежать **культуронике**, которая соответствует положению культурологии в системе гуманитарных наук. В названии этой дисциплины используется тот же греческий по происхождению суффикс — *оник-*, что и в названиях таких прикладных, практических дисциплин, как «электроника», «бионика», «авионика», «мнемоника». **Культуроника** (culturonics) — гуманитарная технология, изобретательская и конструкторская деятельность в области культуры; активное преобразование культуры как следствие или предпосылка ее теоретических исследований. Что такое культуроника в ее отличии, с одной стороны, от культурологии как теоретической и исторической дисциплины, а с другой стороны, от техники и политики как практических надстроек над естественными и общественными науками? Культуроника в отношении наук о культуре есть то же самое, что по отношению к естественным наукам есть техника как преобразование природы, а по отношению к социальным наукам есть политика как преобразование общества. Гуманитарные науки остро нуждаются в своей собственной технологии и в своей собственной политике — отсюда и постоянные попытки технологизировать или политизировать гуманитарное мышление, пренебречь его спецификой ради выхода в конструктивное измерение. Культуроника — это **практическая надстройка** над науками о культуре, попытка воплотить **трансформативный** потенциал гуманитарного мышления, не утрачивая его специфики, не технологизируя и не политизируя феномена культуры. Культуроника занимает центральное место в ряду техногуманитарных дисциплин, поскольку она работает с целостным полем культуры, то есть со всем предметным объемом гуманитарных наук, в отличие от более специальных

дисциплин, таких, как литературная или лингвистическая креаторика (литературоведство, языковедство).

Культуроника — это **конструирование новых форм действия в культуре**, новых техник общения, новых моделей восприятия и творчества. Культуроника мыслит **проектами**, т.е. знаковыми системами, которые еще не стали практиками и институциями какой-либо культуры и образуют план возможных трансформаций всего культурного поля. Если культурология — это **наука** о культуре, культуроника — **совокупность технологий, основанных на этой науке**. Наука и техника различаются как сферы открытия и изобретения.

Гуманитарные науки не меньше нуждаются в изобретениях и изобретателях, чем естественные. Мы спрашиваем у естественных наук, каков технический потенциал того или иного открытия, какими изобретениями оно чревато. Так и про гуманитарную идею или теорию можно спросить: способна ли она породить новое культурное движение, художественный стиль, трансформацию языка? Можно ли на основе данной идеи создать новое интеллектуальное сообщество, творческую среду? Вот какие вопросы обращает культуроника к гуманитарным наукам, ища в них задатки искусств, творческих практик, интеллектуальных ремесел.

Культуроника возникает в связи с культурологией и на ее основе, поскольку именно исследование культуры выявляет ее нереализованные возможности. В отличие от культурологии, которая изучает известные культуры, культуроника изучает то, чего еще нет, — проектирует, моделирует и продуцирует возможные культурные объекты и формы деятельности, включая:

- *Новые художественные и мыслительные движения.*
- *Новые дисциплины, методы исследования, философские системы.*
- *Новые стили поведения, общественные ритуалы, знаковые коды, интеллектуальные моды.*
- *Новые типы культур и цивилизаций...*

К культуронике относится деятельность таких культурных сообществ, которые порождают на основе определенных теорий соответствующие культурные практики, напри-

мер, итальянские гуманисты, немецкие романтики, американские трансценденталисты, итальянские и русские футуристы, русские символисты и концептуалисты.

Культуроника — это деятельность Д.С. Лихачева по экологической охране культуры; Ю.М. Лотмана по развитию семиотического сознания и системному изучению и преобразованию семиосферы; Г.П. Щедровицкого по внедрению рефлексивной методологии в образование, градостроительство, дизайн, экономику.

Тройное строение гуманитарного поля. Манифест как техногуманитарный жанр. Транспозитика и транслингвистика

Гуманитарным наукам должны соответствовать *гуманитарные искусства* — не те искусства, которые изучаются гуманитарными науками, а те рефлексивные практики, которые возникают на их основе. Техногуманистику и ее центральную часть, культуронику, нельзя смешивать с художественным творчеством или другими формами действия внутри определенных предметных областей культуры. Так же, как в области естественных наук мы различаем явления природы (предмет науки) и технологические процессы (применение науки), а в области социальных наук — общественные процессы и их сознательную политическую трансформацию, так и в области гуманитарных наук следует различать три уровня:

1. Предметный (*формы* первичной знаковой деятельности: язык, ценности, нормы, обычаи, верования, ритуалы, мифы, искусства): КУЛЬТУРА.
2. Теоретический (познание, *информация*): КУЛЬТУРОЛОГИЯ.
3. Практический (деятельность на основе познания, метапрактика, *трансформация*): КУЛЬТУРОНИКА.

Рассмотрим трехслойное строение гуманитарного поля в сфере языка. Во-первых, на основе языка возникают первичные «искусства слова» — лирика, эпос, драма, объединяемые понятием художественной словесности. Во-вторых, на основе языка возникают теоретические дисциплины, исследующие как сам язык — лингвистика, так и языковые искусства — литературоведение. На этом традиционное дис-

циплинарное членение языкового поля завершается, дальше следуют только уточнения, спецификации (роды и виды языковых искусств, направления и методы в лингвистике и литературоведении).

Между тем необходимо очертить еще один уровень — метаязыковых технологий, которые пользуются научными понятиями лингвистики и литературоведения, чтобы трансформировать сами предметы их изучения — язык и словесность. Как известно, вершинные образцы и достижения литературной теории мы находим не в научных монографиях или диссертациях, а в манифестах, программных работах классицизма, романтизма, реализма, символизма, футуризма, сюрреализма, постмодернизма и т.д. Речь идет о **практическом, экспериментальном** литературоведении, образцы которого мы находим у писателей, критиков и мыслителей, обосновавших новые направления литературы или исследовавших возможности новых художественных форм, — Буало и братья Шлегели, В. Гюго и Э. Золя, М. де Унамуно и Ф. Маринетти, А. Бретон и Р. Барт, а в России — В. Белинский, Д. Мережковский, А. Белый, В. Шкловский, Ю. Тынянов... Область их усилий — уже не поэтика или эстетика, которые исследуют действующие законы литературы и искусства, а **транспоэтика** и **трансэстетика**, которые через поэтику и эстетику движутся к новым возможностям литературы и искусства, пытаются преобразовать то, что они изучают. Приставка «*транс-*» означает «за», «сквозь», «через», «по ту сторону» того, что обозначается корневой частью слова. В приложении к названиям теоретических дисциплин «*транс-*» обозначает именно вторичные практики, технологии, которые возникают на их основе и ведут к трансформации изучаемых ими областей. Транспоэтика — это трансформативная поэтика, которая не ограничена задачами описания и обобщения наличного литературного материала, но проектирует новые литературные формы, приемы, стили.

Собственно, манифесты и программы еще во время классицизма, романтизма и символизма двигали вперед литературную жизнь; они-то и были образцом теоретической мысли, предвосхищающей практику. Существующее

деление культуры на первичные практики и изучающие их теории заведомо неполно и не позволяет определить характер творческого вклада многих выдающихся деятелей культуры, например, русского Серебряного века. Д. Мережковский, В. Иванов, А. Белый были и писателями, и теоретиками, но в их работе присутствует нечто третье, чего нет ни у чистых художников (например, Н.С. Лескова или А.П. Чехова), ни у чистых ученых (типа А.Н. Веселовского или А.А. Потебни). Они не просто делали литературу и не просто изучали ее, а раздвигали границы литературы, открывали в ней новую эпоху, исходя из теоретического видения ее задач и возможностей. Они были не только (1) литераторами и (2) литературоведами, но и (3) *литературоведами*, т.е. сочетали литературную практику (стихи, проза) с литературной теорией, а последнюю переводили в новую, вторичную практику, в искусство управления литературным процессом, в программу нового литературного направления и даже целого культурного движения, в котором были и художественная, и теоретическая, и философская, и религиозная, и социальная составляющие.

Литературоведство, по сути, не уступает в древности и весомости литературоведению, и большинство новых теоретических идей пришло к нам именно из манифестов и программ новых литературных направлений, а не из ученых монографий. Но академическими традициями признано и востребовано только литературоведение; в последние десятилетия – и сама литература: отделения и программы creative writing (творческое письмо) в американских университетах. Пришла пора узаконить как самостоятельную область интеллектуальной деятельности и creative thinking (творческое мышление), в какой бы гуманитарной области оно ни проявлялось. Конструктивный сдвиг в гуманитарных науках назрел давно и требует интеграции в систему академических программ и институций.

Философия и онтотехника.

Практические основы миротворения

Особое значение приобретают в наше время философские практики формирования новой техносреды и вирту-

альных миров. Здесь хотелось бы сделать полемическое отступление. Некоторые современные философы, особенно неопрагматического толка, проникнуты убеждением, что их профессия утратила практический смысл, что время больших исторических свершений для философии миновало, поскольку мир давно не верит в универсальные решения и в силу обобщающей мысли. Мир нуждается только в маленьких, частичных улучшениях, с которыми технологи и политики справляются лучше, чем философы. Такая точка зрения выражена философом Ричардом Рорти, в частности, в его лекции в РГГУ. «В XX веке не было кризисов, которые требовали бы выдвижения новых философских идей. /.../ Большинство нынешних интеллектуалов отмахивается от утверждений, что наши общественные практики якобы требуют каких-то философских обоснований». Отсюда — «маргинализация философии»: «теперешний здравый смысл нас всех сделал материалистами и реформистами»⁷.

Нельзя согласиться с тем, что XX век обошелся без исторических кризисов, требующих участия философских идей: чего стоят хотя бы битвы между тоталитаризмом и либерализмом, коммунизмом и персонализмом, идеологией и наукой. Или разве кризис левых, революционно-преобразовательных движений в 1960-х не привел к возникновению всего комплекса постмодерных идей, определивших последние десятилетия XX века? История показывает, что роль самых общих идей и концептов не падает, а возрастает по мере вступления человечества в информационный век. Что касается утверждения, что интеллект становится все более материалистичным, на это можно возразить, что сама материя в современных представлениях становится все более интеллектуальной, информационно насыщенной. На рубеже XX — XXI веков происходит «раскрутка» незримых слоев материи, граничащих с иноматериальным — сознанием, психикой, генетическим кодом, ранее неизвестными измерениями пространства. Никогда раньше производство,

⁷ Рорти Р. Универсализм, романтизм, гуманизм / Пер. с англ. С.Д. Себряного. М.: РГГУ, 2004. С. 5, 6, 29.

техника, даже бизнес и реклама не были столь метафизическими в своих основаниях⁸.

Так, первая задача, которую должны решать создатели компьютерных игр, задача метафизическая: каковы исходные параметры виртуального мира, в котором разворачивается действие игры, сколько в нем измерений, как соотносятся субъект и объект, причина и следствие, как течет время и разворачивается пространство, сколько действий, шагов, ударов отпущено игрокам по условиям их судьбы и что считается условием смерти? Любая компьютерная игра, любой виртуальный мирок содержат в себе свойства «мировости», «универсности», которая и образует специфический предмет и заботу философии. Причем масштабы таких «миров» быстро разрастаются. Например, знаменитая «Second Life» («Вторая жизнь») — это трехмерный виртуальный мир, созданный в 2003 г., но уже населенный четырнадцатью миллионами участников из 100 стран мира, точнее, их аватарами. На этой территории действуют свои законы, строятся дома, открываются бизнесы, обращаются свои денежные единицы (линдены, которые можно обменять на реальные доллары). Речь идет не просто о новой трансконтинентальной и транснациональной территории, но об особом мироустройстве, которое целиком, в своих внутримировых основаниях, задается волей и деятельностью людей. И конечно же, это альтернативное мироздание имеет свою онтологию и эпистемологию, свою логику, этику и эстетику, свои законы пространства и времени, случая и судьбы, — свою философскую матрицу, которая сознательно или бессознательно кладется в основу его технического построения, программного обеспечения. Недавно в некоторых американских университетах на кафедры и в лаборатории программирования

⁸ Характерные образчики реклам, которые недавно встретились мне на одной нью-йоркской улице: «Будь хозяином своей судьбы. А также своих счетов», «Мечтать полезно для души. Кредит вам поможет». «Протанцуй через жизнь! Прошагай через станцию» (в метро). Рекорд метафизичности побила российская реклама, полученная мною по электронной почте: «Трансфинитный апостериорный апофеоз с телефоном «ЮРС» вам гарантирован».

стали приглашать профессиональных историков для разработки определенных тематических игр (например, игры по мотивам шекспировских пьес или наполеоновских войн требуют консультации у специалистов по соответствующим эпохам). Но столь же насущным, по мере разрастания этих виртуальных миров, становится и участие в их строительстве философа — специалиста по универсности и универсалиям, по самым общим, всебытийным вопросам мироустройства.

Раньше техника занималась частностями, отвечала на конкретные житейские нужды — в пище, жилье, передвижении, в борьбе с врагами и власти над соплеменниками. Философия же занималась общими вопросами мироздания, которое она не в силах была изменить: сущностями, универсалиями, природой пространства и времени. Техника была утилитарной, а философия — абстрактной. Теперь наступает пора их сближения: мощь техники распространяется на фундаментальные свойства мироздания, а философия получает возможность не умозрачительно, но действительно определять и менять эти свойства. Техника конца XX и тем более XXI в. — это уже не орудийно-прикладная, а **фундаментальная** техника, которая, благодаря продвижению науки в микромир и макромир, в строение мозга, в законы генетики и информатики, проникает в самые основы бытия и в перспективе может менять его начальные параметры или задавать параметры иным видам бытия. Это **онто-техника**, которой под силу создавать новый пространственно-временной континуум, новую сенсорную среду и способы ее восприятия, новые виды организмов, новые формы разума. Тем самым техника уже не уходит от философии, а заново встречается с ней у самых корней бытия, у тех первоначал, которые всегда считались привилегией метафизики. Вырастает перспектива нового синтеза философии и техники — **технософия и софиотехника**, которая теоретически мыслит первоначала и практически учреждает их в альтернативных видах материи, жизни и разума.

Раньше, когда в нашем распоряжении был один-единственный мир, философия поневоле была умозрательной, отвлеченной наукой. Когда же с развитием компьютерной

техники и физическим открытием относительности, квантов и параллельных вселенных открывается возможность других миров, философия переходит к делу, становится *сверхтехнологией нового дня творения*. Раньше философ говорил последнее слово о мире, подводил итог: Гегель любил повторять, что сова Минервы (богини мудрости) вылетает в сумерках. Но теперь философ может стать «жавороном» или даже «петухом» мировых событий, возвещать рассвет, произносить первое слово о прежде никогда не бывшем. В XXI в. появляются, по крайней мере в научно очерченной перспективе, альтернативные виды разума и жизни: генопластика, клонирование, искусственный интеллект, киборги, андроиды, виртуальные миры, изменение психики, расширение мозга, освоение дыр (туннелей) в пространстве и времени... При этом философия, как наука о первоначалах, первосущностях, первопринципах, уже не спекулирует на том, что было в начале, а способна *сама закладывать эти начала*, определять метафизические свойства инофизических, инопостранственных, инопсихических миров. Философия не завершает историю, не снимает в себе и собой все развернутые в ней противоречия разума, а развертывает собой те возможности разума, которые еще не воплотились в истории или вообще не могут исторически воплотиться, требуют построения альтернативных миров, осуществимых в иных, виртуальных, параллельных формах бытия. Философия — это *зачинающее*, концептивное мышление, которое во всяком большом, «мирообъемлющем» деле закладывает начало начал, основание оснований.

XX век — век грандиозных физических экспериментов, но XXI век может стать лабораторией метафизических экспериментов, относящихся к свободной воле, к роли случая, к проблеме двойников и возможных миров. Физические эксперименты переходят в метафизические по мере того, как создаются условия для воспроизведения основных (ранее безусловных и неизменных) элементов существования: интеллект, организм, жизнь, вселенная — уже в их множестве, творимом измерении. Например, клонирование — это не просто биологический или генетический опыт, это экс-

перимент по вопросу о человеческой душе и ее отношении к телу, об идентичности или различии индивидов при наличии генетического тождества. Поэтому никак нельзя согласиться с пессимистическим утверждением Ричарда Рорти, что «суждения философов о том, как сознание соотносится с мозгом или какое место ценности занимают в мире фактов, или как можно согласовать детерминизм и свободу воли, — не интересуют большинство современных интеллектуалов»⁹. Эти философские вопросы сейчас приобретают даже более практический смысл, чем когда-либо раньше именно в силу грандиозного расширения возможностей науки и техники, подходящих к постановке метафизических вопросов. И если философы, включая представителей аналитической традиции, устранились от решения этих вопросов, то за них берутся ученые, такие, как Дэвид Бом, Джон Бэрроу, Пол Дэвис, Роджер Пенроуз, Фрэнк Типлер, Рэй Курцвайл, Ноам Чомски, Даглас Хофштадтер, Дэниэл Дэннет... Но от этого сами вопросы не перестают быть глубоко философскими, теми же самыми, над которыми билась мысль Платона, Декарта, Канта, Гегеля. Философские вопросы остаются и заостряются, просто в отсутствие интереса со стороны профессиональных философов они переходят в ведение физиков, биологов, кибернетиков, когнитивистов, которые оказываются в большей степени наследниками великих метафизических традиций, чем сотрудники кафедр аналитической философии.

Если философия хочет вернуться в центр интеллектуальной жизни, она должна воссоединиться с большими техническими, информационными, биогенетическими, социально-политическими практиками XXI века, закладывать концептуальные основы новых практик, стать *технософией, биософией, инфософией, политософией, лингвософией*. Точно так же на основе эстетики и поэтики должны действовать трансэстетика и транспоэтика, способствуя формированию новых художественных и литературных практик, как это делала романтическая эстетика начала XIX в. или символистская начала XX в. Техногуманистика охватывает собой все

⁹ Рорти Р. Универсализм, романтизм, гуманизм. С. 6.

дисциплины, которые направлены на трансформацию того, что изучается соответствующими гуманитарными науками: культуронику («культуроводство»), трансэстетику («искусствоводство»), транспоэтику («литературоводство»), транслингвистику («языковедство»). Последняя создает искусственные языки или задает новые направления развитию естественных языков, исследует и реализует новые возможности словообразования и эволюции грамматических форм. Очевидно, что деятельность доктора Л.Л. Заменгофа, создателя международного языка эсперанто, не относится к области лингвистики, хотя и развивается на ее основе. Именно сравнительный анализ существующих языков позволил Заменгофу синтезировать новый язык, сочетающий романские, германские, славянские элементы. Транслингвистика охватывает область построения как плановых международных языков (волапук, окциденталь, интерлингва и многие др.), так и специализированных языков, включая языки различных дисциплин (математики, логики, лингвистики) и языки программирования, общения человека и машины. Большой вклад в транслингвистику, в теорию и практику лингвопроектирования внесли Р. Декарт, Г. В. Лейбниц и такие создатели проектов философских языков, как Дж. Дальгарно, Дж. Уилкинс. Ж. Делормель. Что касается естественных языков, то они по традиции считаются «инертными», открытыми только медленным историческим изменением, а не сознательным преобразованием. Но и в этой области есть место для проективно-трансформативной деятельности. К транслингвистике относятся: словарная, а в значительной мере и словообразовательная работа В. Даля, по-новому структурировавшая лексические запасы русского языка и прибавившая к нему около 14 тысяч собственно далевских новообразований; «воображаемая филология» В. Хлебникова, которая вылилась примерно в такое же число неологизмов и в эксперименты с морфологией и синтаксисом, значительно увеличившие гибкость русского языка; в наше время — «грамматология» Ж. Деррида, которая из теоретической сферы постоянно выходит на уровень трансформации языковых практик. Все это и можно отнести к гуманитарным технологиям, т.е. практи-

кам второго, надтеоретического, а не дотеоретического уровня¹⁰.

* * *

Конструктивный потенциал гуманитарных наук — это тема, требующая не только теоретической, но и практической разработки. Философ Алфред Н. Уайтхед, возглавлявший кафедру философии в Гарвардском университете, так определил миссию высшего образования: «Задача Университета — создание будущего, насколько этому могут способствовать рациональная мысль и цивилизованное восприятие»¹¹. Изобретательство в сфере гуманитарных наук даже более прямо способствует созданию будущего, чем исследовательская работа. Наряду с факультетами естественных наук в западных университетах существуют факультеты инженерных дисциплин, компьютерных и медицинских технологий. За последние десятилетия в систему университетского образования интегрировалась и такая область деятельности, как «творческое письмо» (литературное творчество). Пришло время институционализации и «творческого мышления», изобретательской деятельности в области гуманитарных наук. Почему в университетах учат писать стихи и рассказы, но не учат писать художественные манифесты и программные статьи? Таких изобретателей романтизма и философии жизни, как Фр. Шлегель или Фр. Ницше, вряд ли пустили бы на порог современных университетов даже в младшей профессорской должности, поскольку их публикации не включают так называемого «анализа», обзора литературы, научного аппарата. Но ведь они создают аппарат новых концепций и терминов для будущих поколений исследователей. Техногуманистика имеет такое же право на свои университетские кафедры, как технологические, политические, медицинские, юридические дисциплины.

¹⁰ В частности, исследование и проективное воплощение системных возможностей русского языка — лексических, грамматических, концептуальных — задача моего сетевого проекта «Дар слова. Проективный словарь русского языка» <http://www.emory.edu/INTELNET/dar0.html> (см.: Эпштейн М. Русский язык в свете творческой филологии // Знамя. 2006. № 1. С. 192 — 207).

¹¹ Whitehead A.N. Modes of Thought. The Macmillan Co.: N.-Y. 1938. P. 233.

От того, насколько этот конструктивный потенциал гуманитарных наук будет реализован в университетах, зависит будущее и самих университетов. Это не только хранилища знаний, но и лаборатории конструктивного мышления, которое творит новые идеи и на их основе преобразует природу и цивилизацию. Нельзя ограничивать научную или академическую деятельность сферой исследования и познания, т.е. накопления и умножения знаний (фактов, закономерностей, наблюдений и обобщений). Правильнее было бы определить задачу научных и академических учреждений не как исследование, а как *мыслезнание*, интеллектуальную деятельность в форме *познания и мышления*, т.е. (1) установление наличных фактов и принципов и (2) производство новых понятий и идей, которые могут продуктивно использоваться в развитии цивилизации. Знание есть *информация* о наличных фактах и связях мироздания; мышление — *трансформация* этих связей, создание новых идей и представлений, которые в свою очередь — посредством технологий, политик, искусств — могут быть претворены в предметы и свойства окружающего мира. Это трансформативное начало гуманитарных наук сегодня как никогда остро нуждается в признании академических и образовательных институций.

ПЕРСОНОЛОГИЧЕСКАЯ ВЕРТИКАЛЬ И ТЕКСТЫ ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ

В.А. СУЛИМОВ

Эрозия гуманистического начала философского антропоцентризма, обозначившаяся в XX и — особенно — в XXI веке, несомненно, свидетельствует об утрате в массах *потребителей идей* аксиологической вертикали — шкалы ценностей. Это «уплощение» ценностной шкалы, объединяя в одном когнитивно-семиотическом пространстве разнородные и разноуровневые тексты культуры, приводит к отказу от приоритетов (будь то приоритеты социальные, этические, моральные, поведенческие, научные, образовательные или